

Христианский календарь поэзии А.Ахматовой

Проблема веры никогда не ставилась в исследованиях об А.Ахматовой по известным причинам. Очевидно, что христианская религия составляет основу мировоззрения поэта. В.Виленкин вспоминает, что на вопрос, верит ли она в Бога, Ахматова ответила: «Разумеется, как и все культурные люди». А.Найман подчеркивал, что Ахматова хорошо знала христианский календарь, соблюдала православные обряды. Время в поэтическом мире Ахматовой подчинено православному календарю.

В первой книге поэта «Вечер» преобладает «личное» время. Героиня живет одновременно в двух реальностях: бытовой и песенной. В любовный роман, составляющий сюжет книги, вовлечены природные стихии и времена года. И хотя в автобиографической прозе Ахматова указывала, что для нее «календарные даты значения не имеют», очевидно, что уже в «Вечере» календарные даты — знаки бытия героини. Даты православного календаря скрепляют оба сюжета (бытовой и песенный), предопределяя ход событий («*О нем гадала я в канун Крещенья. Я в январе была его подругой*»). Любовный роман, таким образом, как бы вписан в календарь, и героиня покорно подчиняется судьбе, принимая как дар и встречи, и разлуки, и ожидания.

Другая ипостась героини — гадалка, ворожея; эта ипостась связана с демонической природой творческого дара. В песенной реальности героиня неоднократно умирает, причем смерть становится наказанием за греховную страсть. Противоречие между гордостью и смирением, между христианской добродетелью и демоническим самовыражением составляет основу напряженности сюжета книги «Вечер».

Уже в названии сборника «Белая стая» ощутимы отзвуки христианского мироощущения. В контексте мировой культурной традиции «белый цвет» — цвет веры. В символике христианства «белый цвет» — цвет чистоты, святости. Многозначная семантика белого цвета, соответствующая состоянию просветления, поясняется как восхождение, откровение и прощение. Но в то же время «белый цвет» — символ смерти. «Белые одежды» — знак приобщения к высшему бытию, знак избранничества. «Белый цвет» в христианстве трактуется расширительно, — это царство Духа, которое у верующих ассоциируется с раем.

В поэзии Ахматовой белой изображается и смерть, и рай. «Белый цвет» вбирает в себя противоположные значения и становится символом смерти и воскресения. Белым цветом наделен у Ахматовой и здешний, и потусторонний мир. На границе жизни и смерти располагается «белая божия сирень». «Белизна» несет значение призрачности, таков Петербург. Белый цвет — цвет оберега («*Богородица белый расстелет над скорбями великими плат*»). «Белый цвет» становится атрибутом Музы, знаком темы творчества.

Символика названия сборника «Белая стая» отсылает к христианской традиции. «Белая стая» — метафора стихов, которые ассоциируются с душой. Слово-душа-птица-Муза — таково ассоциативное поле книги. Птица, согласно христианской традиции, — ипостась души. Птица — атрибут Музы и в то же время материализованное слово («*...взовется голубем птица — моя недописанная страница*»). Муза — двойник героини, ее «внешняя» душа. Все эти образы-понятия скреплены не только «белым» цветом, но и мотивом полета («*Они летят, они еще в дороге, слова освобожденья и любви*», «*И стихов моих белая стая...*»). Христианское мироощущение актуализируется в символике белой птицы-голубя, ассоциирующегося с Духовным Днем («*За окном крылами веет белый, белый Духов день*»). Таким образом, «белая стая» — это символ смерти-воскресения, символ бессмертия.

В «Белой стае» 4 цикла. Символика числа несет в книге значение веры. В центре книги — диалог с Богом. В «Белой стае» ощутимо постоянное присутствие Библии (посла-

ния апостолов, «Песнь песней» царя Соломона, Псалтырь и т.д.).

Бытие героини книги предопределено православным календарем, и история Христа как бы проигрывается в личной судьбе героини (возникает между жизнью героини и историей Христа).

Рождество и Пасха — два полюса, два праздника, между которыми протекает бытие героини. Между этими праздниками, символизирующими встречу, лежит ожидание. Все упоминаемые дни — это знаки встречи, сроки его возвращения (возлюбленный ассоциируется в поэзии Ахматовой с солнцем — мужское начало, поэтому ощутим скрытый в подтексте миф об умирающем/воскресающем божестве).

Аналогия с Христом конструирует сюжет книги. Распятая любовью, которая является своеобразной жертвой (отказ от божественного дара), героиня оказывается во власти демонических сил (русалка — ипостась героини), птица — ее персонифицированная душа, магически заклинающая друга. Сны, предчувствия, приметы, гадания — в этой атмосфере живет героиня. Обреченность на *любовь* и невозможность быть вместе — такова крестная мука и таков страстный путь героини, которая не может быть просто женщиной, т.к. наделена особым даром. Христианское сознание, утверждая богоподобность человека, исключает саму возможность возвеличивания человека до Бога. В поэзии Ахматовой проигрывается ситуация расплаты за дар божий. Это и отказ от любви, вынужденное одиночество, разлука и утрата ребенка, странничество, блуждание души, наконец, смерть. Содержание многих стихотворений книги — репетиция смерти. Семантика этого сюжета двусложна: это и жажда обретения посмертного прощения, искупления грехов, спасение души, но это и воздаяние себе, лишенной прощения в земном бытии. Предсмертное прощание, ситуация, принципиально невозможная для героини Ахматовой, осуществляется в песенной реальности, где героиня готова принести себя в жертву ради спасения других («*Что теперь мне смертное томленье! Если ты еще со мной побудеешь, я у Бога вымолю прощенье и тебе, и всем, кого ты любишь*»).

Творческий акт для героини — подобие разлучения души и тела, в этой жертве есть аналогия с Христом. Но Христос не единственный двойник героини. Псалмопевец Давид — библейский персонаж, духовное родство с которым испытывает героиня («*Утомлен я воздыханиями моими, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими*» и т.д.). Смиренная ипостась героини воплощается в сюжете книги в ассоциациях с Давидом.

Время «Белой стаи» эсхатологично. Мотивы конца света, конца мира, конца бытия пронизывают книгу. Символика черного, белого и красного цветов отсылает к центральной оппозиции жизни и смерти. Ощущение катастрофичности бытия сопрягается с верой в спасение души, возможность воскресения питается сознанием своей причастности к Христу, аналогией судеб, ощущением себя заложной душой: «*И мнится мне, что уцелела под этим небом я одна, за то, что первая хотела испить смертельного вина*». Природные стихии в «Белой стае» предвещают катастрофу; странники, прохожие, юродивые, нищие — носители иррационального начала, — усиливают атмосферу предчувствий. Историческое событие — война 1914 г. осмысливается как вселенская катастрофа. Последний суд. Молитва — становится формой духовного бытия Героини, принявшей на себя роль плакальщицы. Но доминирующим в книге оказывается образ Храма, которому уподобляется вселенная. Миг бытия отмечен вестью. И завершает книгу мудрый вывод: «*Неистощима только синева небесная и милосердие Бога*».

Опубликовано: Теоретические и методические аспекты освоения гуманитарного знания в школе. Материалы межрегиональной конференции 13-14 января 1998 г. Барнаул: изд-во АКИПКРО, 1998. С. 77-79.